

судьба

**Судьба, ты, как осенние дожди,
Приносишь мне страдания и грусть.
И все же, жизнь, прошу:
«Не проходи!»,
Покинуть этот мир я так боюсь...**

Октябрь 1932 года... Трудные роды еще совсем молодой женщины — и на свет появилась я. Отец Петр Георгиевич и мать Нина Викторовна остановились на редком в то время имени Изабелла. Проживали мы в городе Сестрорецке Ленинградской области, по улице Коммунаров, №5. Квартира состояла из двух маленьких комнат и располагалась на втором этаже в многосемейном доме. Отец работал на инструментальном заводе в этом же городе, мать — в Ленинградской гостинице «Астория».

Мне шел шестой год, когда однажды, проснувшись утром, я не увидела в квартире маму. На мой вопрос: «Где она?» — отец ответил: «Не знаю, ждал ее всю ночь.» В это время раздался стук в дверь — он вышел... Когда вернулся, то по его побледневшему лицу и печальным глазам поняла, что он подавлен каким-то горем.

«Папа, что случилось?» — спросила я. Он опустился передо мной на колени, обнял меня и, как в тяжелой горячке, начал говорить охрипшим голосом: «Доченька милая, мама попала под трамвай. Он тащил ее тело по ночному Ленинграду две остановки, разрезав его на мелкие кусочки». Он подробно называл отдельные части изувеченного тела, оставшиеся на рельсах, а я закаменела — не могла произнести ни слова. В мыслях было одно: у меня уже нет мамы и никогда не будет. Как мне жить без нее? Что будет теперь со мной, с папой? Отец замолчал. Наверное, подумал, стоило ли ребенка посвящать в такие жестокие подробности. Но было уже поздно. Каждое его слово оставило глубокий след в моей памяти на всю жизнь. Позднее он говорил: «Если бы я сразу все не сказал, то пришлось бы ее обманывать до конца своих дней, а это нехорошо». В

тот злополучный день отец отвел меня в детский сад, сам же пошел договариваться насчет транспорта для перевозки останков матери. Я, убитая горем, сторонилась резвящихся детей, искала безлюдное место, чтобы никто не видел моих слез. Вскоре пришел папа, и мы на грузовой машине поехали в Ленинград. Всю дорогу ехали молча. Мои глаза были наполнены слезами, и я боялась, не сдержусь и выльется наружу мое горькое детское страдание. И только на обратном пути выдавила три слова: «Папа, покажи маму». А он ответил: «Нельзя, нас оштрафуют». Когда машина подъехала к дому, там уже собралось множество народу. Чтобы увидеть труп люди забирались на забор, деревья. Меня посадили рядом с гробом, в котором с одной стороны лежала голова с изувеченным лицом, а с другой виднелись туфли. Я молча смотрела то на гроб, то на собравшихся. Кто-то в толпе кричал: «Ох, какая молодая!». Кто-то, рыдая, падал на землю и его поднимали. Рядом со мной кто-то причитал: «А девочка сироткой осталась...». Но другой голос ее успокаивал: «Она еще маленькая, ничего не понимает...». Эти последние слова сжали мое сердце, хотелось крикнуть: «Неправда, я все понимаю!». Но промолчала и подумала: «Когда вырасту, буду знать, что маленькие дети тоже все понимают...».

Заиграл похоронный марш, и огромная толпа людей последовала за машиной (несколько лет спустя мне говорили, что ее хоронил почти весь Сестрорецк). До сих пор перед глазами кладбище, свежeverытая могила... Помню, как душа моя рыдала, но я сдерживала себя, смотря на отца. Когда стали опускать гроб, он зарыдал. В это мгновение из меня вырвалась такой силы крик, что казалось: вершины деревьев пригнулись, а эхо разносило его по всему кладбищу. Я тянулась за гробом в могилу, меня оттаскивали, но, вырвавшись из рук взрослых снова ползла туда, к ней.

Мой отец был очень добрым и ласковым. Постепенно, свыкаясь со своей судь-

Изабелла Воронова

бой, я поняла, что слезами маму не вернуть. Днем папа отводил меня в детский сад, а сам шел на работу. По праздникам у нас собирались его друзья. Он играл на гитаре, пел. Особенно часто звучал романс «Ямщик, не гони лошадей». Я выступала перед гостями: пела, плясала, читала стихи, показывала акробатические номера... Довольные посетители аплодировали мне, пророча судьбу артистки. Так незаметно прошли три года. Я подросла, отцу становилось все труднее одному со мной. Он мог бы жениться, но боялся, что мачеха будет меня обижать. Решила нашу судьбу начавшаяся в июне 1941 года Великая Отечественная война. Папа по ночам уходил на дежурства, а я оставалась дома одна. Часто он говорил: «Если меня не возьмут на фронт по состоянию здоровья, уйду добровольцем». Его взяли на фронт. Помню как трудно я прощалась с мамой, он, видимо, решил меня не будить и попрощался со мной ночью. Наверное, долго смотрел на меня, вытирая со щек свои горькие мужские слезы. Когда утром я проснулась, передо мной стояла тетя Маруся (мамина старшая сестра, которую я тогда плохо знала), она сообщила, что папа ушел на войну, поэтому буду жить у нее. Мне ничего не оставалось, как согласиться. Я

Окончание на стр. 4

судьба

Окончание. Начало на стр. 3

не плакала, истерик не было. Только тяжесть моей жестокой судьбы сдавливала грудь, подступала комом к горлу, щемила душу. Разделить это горе было не с кем. Тетя Мария работала медсестрой, а ее муж дядя Федя был военнотружеником. У них была дочь Светлана, года на два моложе меня. Мы часто оставались дома одни. Однажды, несмотря на постоянные тревоги и налеты фашистов, я предложила Свете погулять. Для прогулки выбрали железнодорожные пути (по ним было интересно прыгать). По моему «запланированному маршруту» мы должны были попасть к многоэтажным домам, где в одном из них жила знакомая женщина по имени Лена. Но, играя на путях, перепутали направление и пошли совсем в другую сторону. Шли мы долго, время клонилось к вечеру, а знакомые дома все не появлялись. И, когда на платформе я прочитала: станция «Разлив», я поняла, что попали не туда. Пришлось повернуть назад. К Сестрорецку подошли уже глубокой ночью. В доме тети Маруси били тревогу: «Пропали две девочки!». Всех, кого могли, подняли на поиски... За эту прогулку меня сильно ругали и решили отправить в детский дом. Сначала мне дали путевку в город Тихвин. Туда тетя повезла меня сама, но по дороге мы попали под обстрел. Паровоз и железнодорожное полотно были разбиты... Тетя Мария очень волновалась, а мне почему-то было уже все равно — убьют меня или не убьют. Вторую путевку дали в Пикалевский детский дом. Тетя больше не рискнула ехать. Меня и еще одну девочку-сиротку, Нину Малышеву, сопровождала учительница. И вот — здание Детского дома. Нас привели в изолятор. Из его окна была видна небольшая площадка, на которой играли дети. Все они были, как один: в одинаковых трусах и майках, наголо подстрижены. Нина, испуганно глядя на них, сказала: «Здесь все мальчишки! Давай сбежим от них». Я молча смотрела в окно и думала: куда бежать? Мама у меня нет, папа на войне, тете я не нужна... Вскоре нам тоже обстригли волосы, одели в казенные майки и трусы и отвели в группу. Для меня новая обстановка была непривычной — я почти ни с кем не разговаривала и, как дикий зверек, старалась уединиться где-нибудь в сторонке. И, скрывая слезы от других, рыдала всем своим существом. Не могла долго привыкнуть к режиму, к той пище, которой нас кормили три раза в день. Выходила со столовой голодная, но никто на это не обращал внимания, никто не спрашивал: «Почему ты ничего не кушаешь?»...

СЕСТРОРЕЦК

*Сестрорецк — город мой
ненаглядный!*

*Сердцу милый, до боли родной
Ты в любую погоду нарядный
И сравним с самой яркой звездой!*

*Ты, как чудо! Дар Божий,
бесценный!*

*Ты — мой первый с рождения вдох,
Мое детство поры довоенной,
Гимн, что в сердце моем не заглох.*

*Восхищаюсь тобою безмерно!
Что мы врозь, не моя в том вина.
Я была б тебе дочерью верной,
Разлучила злодейка война...*

*Постарели за время разлуки
Твои пышные клены, дубки...
Сиротой я прошла через муки,
Побелели от горя виски.*

*Но живу до сих пор я надеждой,
Что когда-нибудь сжалится Бог
И весной, с цветением вешним,
Возвратит на родимый порог.*

*Упаду на колени у дома...
- Где же вы, что любили меня...
Все мне дорого тут и знакомо,
Нет лишь в окнах родного огня...*

*Нет, родимые, вас, вы - уснули...
Непробудный и вечный ваш сон.
Вам достались свинцовые пули,
Смертоносной войны марафон...*

*Может быть, отыщу здесь
местечко,
Где покоится бедная мать.
Я молю: «Дай мне силы, сердечко,
Перед горем моим устоять...».*

*Не сдержу ни рыданий, ни стонов,
И глаза покраснеют от слез...
Пережить боль томящего звона
Мне поможет молчанье берез...*

*Пожалей меня, Родина, малость,
Без тебя жизнь течет, как во мгле.
Я хочу, чтоб навеки осталось
Мое тело в родимой земле.*

Из книги
Изабеллы Вороновой
«Судьба»

дров (для этого надо было спилить деревья, обрубить и сложить сучья, распили стволы на двухметровые части и уложить их по два кубометра). Нормой для полива огорода было сорок коромысел (по крутому берегу высотой пять-семь метров надо было спуститься к реке Ишим, почерпнуть два ведра воды, поднести их на коромысле вверх и разлить эту воду по лункам с рассадой).

Когда усталые, голодные, грязные, в изодранной одежде, мы возвращались с работы, жители деревни, глядя на нас, качали головами; в их глазах блещили слезы. Мы понимали: идет война, всем трудно, надо помогать стране, нашим отцам и матерям, братьям и сестрам, ушедшим на фронт, и мужественно переносили все. В зимнее время, когда за окнами мела снежная пурга, а в рабочей комнате даже от нашего дыхания не становилось теплее, нам разрешали садиться на столы (чем выше, тем теплее). Мы при тусклом свете «коптилки» тербели овечью шерсть, вязали носки, рукавицы для бойцов и отправляли их в посылках на фронт. Наши ребята часто отправляли туда письма со словами: «Мы верим отважным защитникам Родины и надеемся на скорую победу!».

С большим нетерпением дети ждали окончания войны, надеялись на встречу с родными. Бессонными ночами мечтали о том, как их снова обнимут теплые, нежные руки отцов и матерей, и в их объятьях они смогут забыть о всех страданиях и бедах искалеченного войной детства.

Девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года наконец-то настал долгожданный День Победы. От радости мы прыгали на кроватях, бросаясь подушками, и кричали: «Ура!».

Война закончилась, оставшиеся в живых солдаты возвращались домой. В один из летних дней детский дом облетела весть: «К Таське Первоваковой приехал отец!». Всей гурьбой дети рванулись туда, где на покрытой пылью дороге в потертой солдатской одежде стоял худощавый, невысокого роста солдат. Он растерянно всматривался в лица детей, стараясь увидеть свою дочь. Тася прибежала последней: по-видимому, неожиданная радость ослабила ее физические силы. Отец поднял дочку на руки. Маленькую, хрупкую он прижимал ее к своей груди, и слезы счастья текли по его щекам. Тася обняла отца за шею гибкими, как прутки, ручками, и зарыдала. Все собравшиеся дети, глядя на эту встречу, расплакались: каждому было обидно, что не приехали их отцы. Я рыдала всю ночь. Но не теряла надежды на встречу с отцом...

Годы шли, но больше ни к одному из воспитанников родные отцы и матери так и не вернулись. Огромные потери солдат на фронте явились причиной роста детей сирот с тяжелой безудольной судьбой, обреченных на нищету и одиночество. Не осуществилась и долгож-

дет, не сможет идти, но сразу сообщать воспитателю. Впереди стоял шел ездоной и вел лошадь. От мороза у детей на ресницах появлялся иней, слепил глаза, белели носы, щеки, леденели в ботиноч-

Война разгоралась. Фронт подходил все ближе и ближе. Участились налеты немцев, бомбардировки, вой сирен оповещал о тревоге и все чаще загонял нас в сырые холодные окопы не только среди дня, но и среди ночи. В школе уроки физкультуры были заменены на военное дело. Так мы, восьмилетние мальчики и девочки, стали бойцами. Учили нас не только спасаться от взрывов снарядов, но и спасать товарищей, ловить шпионов, тушить пожары, помогать раненым. Были случаи, когда наши ребята приво-дили немецких шпионов на заставу. Когда уже большую часть суток нам приходилось сидеть в окопах, которые мы сами копали, вышло решение свыше: «Срочно детей эвакуировать!». Разместили нас по группам в товарные вагоны, в которых по обе стороны были сбиты деревянные настилы. С одной стороны уложили на них мальчиков, с другой — девочек, посередине поставили ведро для туалета. Маленькие, узкие окошки плохо пропускали свет, поэтому в вагоне царил полумрак. Сплошные тяжелые двери на выходе выдвигались с трудом и неприятно скрипели. Несмотря на то, что поезд сопровождали советские летчики, немцы многократно обстреливали его, разрушали железнодорожные пути, выводили из строя паровоз, осколки снарядов попадали в вагоны, поэтому поезд, спасающий жизни детей, двигался медленно. При бомбардировках мы обычно выпрыгивали наружу из вагона и сползали вниз по насыпи, чтобы при взрывах осколки от вагонов не падали на нас. Кормили детей в дороге сухим пайком, часто не было воды, начались чесотка, педикулез, простудные заболевания. От слабости у детей кружились головы и редко кто уже поднимался, чтобы при остановке поезда выйти на свежий воздух. Прошло в дороге месяца два, наконец нам объявили, что мы приехали. Это была западная Сибирь, Тюменская область, станция Ишим. Вокруг белым покрывалом лежал глубокий снег, из-под него торчали сухие коробочки белены. Кто-то из ребят крикнул: «Сибирский мак!», — и несколько мальчишек, превозмогая слабость, погружаясь по колено в снег, начали собирать коробочки и выколачивать из них семена. Ели с жадностью, стараясь утолить длительную жажду голода. Те, кому не пришлось отвешать «Сибирского мака», сначала жалели об этом, и только потом, когда с ребятами стало твориться что-то непонятное (они бредили, лезли на стены...), поняли, что спаслись от отравления. Со станции Ишим нас отправили в районный центр Казанка. Там мы просидели в холодном помещении целый день. Очень долго решался вопрос, в какой деревне можно разместить детей детского дома. Выбор пал на Ильинку. Это была глухая, вдалеке от железной дороги, деревушка, куда до революции ссылали ссыльных. Она находилась в двадцати пяти километрах от районного центра. Сначала ждали транспорт для отправления детей, но его не оказалось. В районе с трудом смогли выделить лошаденку с повозкой и ездового, чтобы сопроводил нас до деревни. Стояла тихая лунная ночь, мороз минус сорок восемь градусов. Детдомовцы были одеты по-осеннему: когда выезжали со станции Пикалево, стояла осень. Детей построили по двое и сказали крепко держать за руки друг друга. В случае, если кто-то упа-

ках ноги. Идущие в паре дети должны были следить друг за другом и оттирать снегом отмороженные части лица, пальцы рук... Тех детей, кто, упав, уже не мог встать на ноги, на некоторое время сажали на повозку. В таких условиях зимней морозной ночью дети должны были преодолеть путь в двадцать пять километров. Когда подошли к деревне, был уже день. Усталых, голодных и сильно замерзших нас завели в помещение. Сначала решили покормить: на маленькие столы поставили большие алюминиевые тазики, на дне которых виднелся тоненький слой вареной пшеницы. Нам сказали, что эта каша называется Зернушкой, и что из-за отсутствия ложек кушать будем руками. Дикими голодными глазами мы смотрели на теплые зернышки в та-зике. Как команда прозвучало: «Приятного аппетита!», — и худые, дрожащие детские ручонки заскочили по дну тази-ков. Кто-то успел схватить больше, кто-то меньше, одни старательно жевали, другие глотали, не разжевывая. Если бы нас в это время видели родные матери и отцы, ушедшие на фронт защищать Родину, наверное получили бы разрыв сердца... Детей разместили по группам в отдельные пустующие дома, в которых с осени и до весны на полу, практически никогда, не таял лед. Матрасы и подушки набивали соломой. По ночам в них скреблись мыши. Мы испуганно вскакивали с постели и колотили по ней руками... Очень тяжелыми были первые годы эвакуации. Своих продуктов у детского дома не было, купленные у местных жителей картошка, капуста, морковка и тому подобное хранить было негде. Все это перемерзало и из мороженых овощей нам готовили пищу. Часто были перебои с солью, суп по вкусу становился сладким. А когда не было сахара, вместо чая давали забеленную молоком чуть подсоленную воду. Еда казалась совсем безвкусной, но звериная жажда голода заставляла детей съедать все: картошку в мундирах ели с кожурой. Дети часто болели из-за недоедания, нехватки витаминов. Острая нехватка мыла порождала эпидемии чесотки и педикулеза. Постоянный холод способствовал появлению хронических простудных заболеваний, многих мучили фурункулы... С ранней весны и до глубокой осени мы работали на колхозных полях, на хозяйстве детского дома. Летом рабочее время начиналось с восхода солнца и заканчивалось после его заката. Помню, как однажды, работая на колхозном поле под палящим полуденным солнцем, мне стало плохо, кружилась голова, тошнило, руки кровили от порезов осота... Я отстала от ребят, выполняя свою норму. И вдруг, за моей спиной, как гром, раздался голос воспитательницы (обычно воспитатели наблюдали за работой детей, сидя в тени). Я вздрогнула от испуга. Она отчаянно ругала меня, позорила перед всеми, говорила, что оставит без обеда... Я молчала, а по щекам текли горячие слезы. «Если бы здесь была моя мамочка, то она поверила бы, что мне сейчас очень-очень плохо», — думала я. В детском доме мы научились всему: зимой пилили и кололи дрова, летом валили под корень лес, косили сено укладывая в стога, выкорчевывали кусты, выращивали овощи, пасли скот. Каждой работе была определена своя норма. Дневной нормой для троих двенадцатилетних девочек была заготовка восьми кубометров

данный надежда детей возвратится на Родину. До 1948-го года мы продолжали жить в деревне Ильинка. Наша группа стала старшей в детском доме. Она осталась единственной, которая была эвакуирована из Пикалево в 1941 году. Директор детского дома Рухле Владимир Иосипович все эти годы разделял с нами нелегкую долю переселенцев и относился к нам с отцовским теплом. Часто он заменял воспитателей — мы слушали с увлечением его рассказы и сказки, даже после отбоя просили что-нибудь рассказать.

В октябре 1947-го года мне исполнилось пятнадцать лет, я была ученицей седьмого класса, а в январе 1948-го года нашу группу стали готовить к выпуску. Вместе с другими девочками меня направили на текстильную фабрику в город Гусь-Хрустальный, Владимирской области. Мы были очень рады тому, что это была уже не Сибирь и самостоятельная работа не под наблюдением воспитателей... Смешно вспоминать, что заветной мечтой многих выпускников тогда было скромное желание досыта накушаться хлеба с маслом. Сказывалось постоянное недоедание, которое приводило к тому, что у детей отсутствовало чувство сытости. Директор Владимир Иосипович устроил нам прощальный вечер (подобных вечеров предыдущим выпускникам он не делал). Обращаясь к нам с напутственным словом, он не мог сдержать слез. Мы же, напротив, радовались, рвались на волю, как птицы из клетки, и не жалели о том, что покидаем детский дом, в котором пришлось хлебнуть много горя.

При выпуске нам дали одну сменную одежду, небольшую буханку ржаного хлеба, и граммов пятьдесят сливочного масла. С таким вот багажом мы, дети погибших на войне родителей, вступали в самостоятельную жизнь. Никто нас не опекал и не поддерживал, родных и близких не было. Для всех мы оставались чужими детьми. Новым домом для нас стало фабричное общежитие. Зарплаты едва хватало для того, чтобы купить талоны на питание в столовой на один месяц. Если денег не хватало или случайно мы теряли талоны, приходилось сидеть голодными.

Юные годы не сулили нам радость и счастье. Несмотря на то, что мы были не хуже других, на бесприданниц, да еще с общежития, ребята смотрели свысока и неохотно брали замуж. Многие из тех девочек, выпускниц детского дома, так и остались старыми девами на всю жизнь. Но даже те, которым посчастливилось выйти замуж, в основном продолжали испытывать материальные трудности. Часто такие браки распадались, и тогда содержание и воспитание детей ложилось тяжким бременем на их и без того нелегкую женскую долю.

И все же, пережив обездоленное войной детство, испытав тяжелую сиротскую долю, полуголодное сосуществование, нас, детей военного детского дома, трудности не сломали. Мы выстояли... В этом была заслуга нашего социалистического государства, которое в страшное военное лихолетье не бросило нас на произвол судьбы. Не превратило в беспризорных попрошаек, ютящихся под заборами и в подвалах. Оно предоставило нам работу, дало возможность бесплатно повышать образование, совершенствовать квалификацию.